

Е. А. Иваненко

Летняя философия, или размышление на тему: «Как я провел лето»

Что такое лето? Многие скажут: «Не лучшее или вовсе не подходящее время для философской работы». Философу ближе уединенность осени, деловая собранность зимы или энергичная суматоха весны. А лето... Это время отдыха. Но, очевидно, профессия философ не предполагает возможности ухода в *отпуск*, философия *не отпускает* своего работника. Благо и не отягощает его. Известная шутка: философу, чтобы убрать свое рабочее место, достаточно просто закрыть рот. Все мое ношу с собой, как говорится. Философский инструментарий накрепко вшит в саму ткань существования философа, и мы, волей-неволей, просто существуя, все равно задеваем, царапаем, анализируем все, что соприкасается с нами. В этом плане лето — совершенно особое время. И неважно, на фоне чего оно происходит: будь то Тунис или грядка с помидорами, лето всегда нечто большее, чем календарный сезон. Летом проявляется сама специфика философского существования: неустранимая тяга к событию мысли. Обычно это мощное влечение облачено в строгий костюм умений и навыков философа, но летняя жара заставляет избавиться от всего лишнего. Не предпринимать никаких специальных усилий, чтобы мыслить. Пустить все на самотек. Что такое философское бездействие? Конечно, лето для философа может настать в любое время года, но, наверное, есть что-то неслучайное во всеми любимом букете июнь-июль-август.

* * *

Нырнуть в глубину мысли. Летом омут наших дум прогревается на достаточную глубину. Можно плавать часами, превращая *рефлексию* в *релаксацию*. Слабость? Едва ли.

Приятно поплавать в озере Ума, кожей ощущая холодные ключи свежих мыслей. Просто регистрируя их наличие,

не позволяя им завладеть собой, увлечь своим леденящим течением. Летом следует быть внимательным, но ленивым. Это не оценка поведения, лень философская сложна и устроена иначе. Лень философа — это естественный инстинкт самозащиты от всепожирающего времени. К сожалению, нечто становится прошлым быстрее, чем бы того хотелось. Лень предлагает простой прием: чтобы избежать этого болезненного становления прошлым, надо блокировать настоящее. Не дать настоящему свершиться. Эдакое возвышенное игнорирование актуальности, величественное пренебрежение событием. Такие фортели можно позволить себе только летом.

Говорят, философия — дитя аристократического образа жизни. И это так.

* * *

Как правило, все мы с нетерпением ждем лета. Ожиданье и предвкушенье, предшествующие лету, с наступлением долгожданного сезона утрачивают свой предмет, однако не исчезают и трансформируются в некое настроение, которое длится в качестве фона еще долгое время. Потенциал этого настроения невероятно велик: беспредметное, не нацеленное ни на что ожидание способно внимать любым вещам; словно бездомная собака с радостью встречать незнакомых, испытывая полноту жизни от самой встречи вне всякого продолжения. Ожиданье и предвкушенье, взятые сами по себе, освобожденные расслабленным умом философа от привычных норм, могут воспринимать микро- и макрособытия вне масштаба, просто как некую данность. Словно бы получая письма и оставляя их нераспечатанными. Слово *философия* состоит из двух частей, и философ, словно маятник, раскачивается между *филией* и *софией*. Так вот, лето — время филии.

* * *

Как охарактеризовать опыт летней философии одним словом? *Нетрудно*. Летняя философия не *трудна*. Философ отпускает мысль в интеллектуальный отпуск. Мысль, предоставленная сама себе, ведет себя самостоятельно. Отдых мысли — это от-дых, переведение духа, задержка дыхания. Способность к *эпохе*; возможность остановить бег, остановиться. Темп обыденной жизни таков, что легко замедлится, почувствовав усталость; но остановится совсем, выйти из темпа —

сложно, это требует навыка и определенных сил. Все равно что задержать дыхание и не чувствовать дискомфорта от этого. Не в абсолютном смысле, разумеется, жизнь дышать заставит. Но на некоторое время. Подобная иммобилизация может быть расценена как концентрирование себя самого, сосредоточение на себе, причем предельно упрощенное, не нагруженное никакими задачами. Просто так. Позволить себе быть нигде больше, но только *здесь*. А вот *сейчас* — нет. В отличие от *здесь* и *сейчас* события — лето как состояние не темпорировано, оно лишено длительности. Время присутствует только в качестве предчувствия. Или можно говорить об ином виде времени — сродни циклическому времени архаики, летнее время завязано на смене экспозиций. День-ночь, яркое-темное. *Темп* меняется на *ритм*. Это потом, с позиции «осень», можно сказать: «как скоротечно лето», «как промелькнуло лето». Время лета осознается уже в своей завершенности, презентуя нам чистую конечность — вот оно, время. Хотя летом конечности редко бывают чистыми.

* * *

Летом выходить на границы легко — только они зарастают травой. Цветет трансцендентальное поле. Даже на хирургической стали философской редукции способна расти трава. Такое редкое зрелище стоит бережно созерцать. Натюрморт будет потом. Препарировать летний опыт следует осенью, когда он уже завершился сам по себе. Мы так устроены, что понять сложное нам легче, чем понять простое. Поэтому мы склонны бесконечно усложнять, умножать, структурировать и погружать в суету сует то, что в принципе следует воспринимать как нечто простое, атомарное. Простое «чик-чирик». Летом хорошо и приятно бывает просто послушать пение птиц.

* * *

Поддаться внезапному порыву и написать на случайном листке бумаги что-то вроде этого: «По настоящему сильная мысль — не та, что способна лететь быстрее и дальше всех, но та, что способна остановиться там, где больше никто не смог». Просто и бескорыстно? Конечно, нет, раз есть текст об этом. Но... Есть в летних текстах что-то бесшабашное, нерасчетливое. Создать прецедент, не создавая закона.

Летняя философия обращена лицом не к внешним границам, а к внутренним. Критика атомарного предела. Насколько я неделим далее. Как в строчке из песни: «Но каждый человек — он дерево: он отсюда и больше нигде». Мы чувствуем свои корни, место своего произрастания, всю свою уникальность и неповторимость, схожую с неповторимостью отдельно взятого растения. Отвлеченная математическая формула способна описать модель корней дерева, однако фрактальное ветвление не знает остановки, у настоящего же дерева есть предел: цепь самоподобий корня *раз* и прекращается. Воспринять суть этого *раз* можно только летом. Неделимость и непрозрачность роста, взятые в его простоте.

* * *

Летом все навыки философа проявляются естественно, как бы сами собой. Скрытый в мастерском мимесисе, одетый в полосатые шорты философ похож на простого отдыхающего. Однако много-летний опыт философствования не проходит даром, глаза, словно высокотехнологичный прибор, имеют дополнительную опцию: подмечать то, что впоследствии станет материалом для размышлений. «Мне все равно, откуда начать, ибо туда же вернусь я». Летом, как грибы в корзинку, собирается коллекция таких точек начала. Должно быть, в летнем состоянии есть что-то такое, что создает возможность философствования вообще. Лето не дает мне ничего нового, но оно дает бесценное осознание того, что я могу воспринимать новое и следовать за ним, вынося в результате опыт как испытание собственных пределов. Перед всяким грядущим изменением неплохо убедиться в самой возможности изменений, и всякий риск подлиннен тогда, когда знаешь, чем рискуешь. It's a summertime, как поется в песне, и на мраморном лбе Сократа набекрень висит ромашковый веночек.